

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

“У НЕГО ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДНА СТРАСТЬ...”

*Образ Иуды Искариота
в романе М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”*

Тема предательства Иуды Искариота никогда не теряла своей актуальности для теологии и особенно сотериологии. На протяжении веков существования христианства Церковь однозначно трактовала как евангельские события, связанные с именем Иуды Искариота, так и личность Апостола-предателя: “Иуда льстец, сребролюбия рачительствуяй, предати Тя, Господи, сокровище живота, лестно поучашеся, отнюдуже и упився, течет ко иудеям, глаголет беззаконным: что ми хотите дати, и аз вам предам, во еже распяти Его”¹; “нрав сребролюбия и образ твой безумия исполнь несмысленный Иудо: вверен бо был един токмо ковчезцу, всяко не преклонился еси к милосердию, но заключил еси жестокаго твоего сердца утробу, предав Единного Богоутробнаго. Нрав богоубийц проданию сребролюбца смесивыйся: ов убо ко убиению вооружився, ов же к сребреникам устремляшеся...”². Кроме того, психологическая мотивация совершённого Иудой предательства никогда не находилась в центре внимания ни евангелистов, ни следующих за ними церковных исследователей Священного Писания, поскольку практической ценностью его предательство измерено быть не может. И упоминаемое сребролюбие рассматривается обычно как “щель, делающая его доступным внушениям дьявола”³. Интерес к Иуде Искариоту, которого не обошла ни одна из существовавших экзегетических традиций, был связан, в первую очередь, с тем, что “в соответствии с древним принципом “проклят пред Богом всякий, повешенный на дереве” (Втор. 21:23), восходящим к архаическим ритуалам казни как заклания в жертву: повешенный на древе креста Христос, принявший на себя проклятие человечества, и повесившийся Иуда Искариот, несущий бремя собственного проклятия, представляют собой многозначительную внутреннюю антитезу”⁴. Характерно в этом смысле изображение Иуды на фреске Джотто (около 1305 года, Падуя, капелла дель Арена), где лица Христа и Иуды олицетворяют противоположные, разнополюсные человеческие качества: благородства и низости, величия и мелочности. Христианскую традицию не интересуют психологические мотивы поступка Иуды; для неё Иуда – олицетворение предательства, богоотступничества, он “предвосхищает выступление Антихриста; недаром он характеризуется словосочетанием “сын погибели” (Ин. 17:12), применённым в Новом завете также и к Антихристу (2 Фес. 2:3)”⁵, он исполняет пророчества (Иер. 32:9, Зах. 11:12, Пс. 108:1-2). Роль его в Евангель-

ской истории – скорее мистическая, именно с этой точки зрения смотрит на него христианская традиция, не пытавшаяся объяснить психологические противоречия его поведения и весьма осторожно относившаяся к попыткам такого рода. Но с появлением новых трудов по интерпретации новозаветных текстов такие попытки стали предприниматься не только религиоведами и философами, но и теологами. Кроме того, антитеза Христос/Иуда не раз, по словам С. С. Аверинцева, “подавала пластический мотив для изобразительного искусства”⁷⁶.

М. А. Булгаков предложил свою трактовку евангельских событий, которая восходит к нескольким источникам. Это, прежде всего, работа Ж. Э. Ренана “Жизнь Иисуса” (1860), книга Ф. В. Фаррара “Жизнь Иисуса Христа” (1874), рассказ А. Франса “Прокуратор Иудеи” (1891), эссе А. М. Фёдорова “Гефсимания” (1911), пьеса С. М. Чевкина “Иешуа Ганоци. Беспристрастное открытие истины” (1922)... Говоря о романе Булгакова, А. Зеркалов утверждает даже, что “в “Мастере и Маргарите” все без исключения основные герои – либо персонажи других книг, либо литераторы, либо и то, и другое вместе. Даже Стёпа Лиходеев явился из “Фауста” (директор театра, выпустивший на сцену Сатану...)”⁷⁷.

Значительно и совершенно очевидно влияние на Булгакова Ф. В. Фаррара. Вот, например, описание дворца Ирода Великого у Фаррара: “Между двумя колоссальными флигелями из белого мрамора находилось открытое пространство <...>, оно было <...> вымощено богатой мозаикой и снабжено фонтанами и резервуарами, чередовавшимися с зелёными аллеями, в которых находили для себя приятное убежище целые стаи голубей”⁷⁸. А вот как описывает дворец Булгаков: “... В крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат... На мозаичном полу у фонтана уже было приготовлено кресло... Слышно было, как ворковали голуби на площадке сада у балкона, да ещё вода пела замысловатую приятную песню в фонтане”⁷⁹. Сравним описание императора Тиверия, о котором вспоминает Пилат при вынесении смертного приговора Христу, у Фаррара: “При этом страшном, мрачном имени кесаря дрогнул Пилат. Это было заклятое имя, и оно обезоружило его. Он вспомнил о том страшном орудии деспотизма, об обвинении в *laesa majestas*, оскорблении величества, перед которым бледнели все другие обвинения, которое так часто приводило к конфискации и пытке и благодаря которому кровь иногда, как вода, лилась по улицам Рима. Ему предстал Тиверий, престарелый, мрачный император, который тогда жил на острове Капрее, скрывая от людей своё прокажённое лицо, свои злобные подзвонения, своё болезненное распухание, свою отчаянную месть”⁸⁰. А вот описание восприятия Пилатом Иешуа Га-Ноцири у Булгакова: “Так, померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо неё появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; на лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью; запавший беззубый рот с отвисшей нижней капризной губой. <...> И со слухом совершилось что-то странное, как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы, и очень явственно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: “Закон об оскорблении величества...””⁸¹

Даже неоднократно повторяемые Булгаковым слова “ненавидимый прокуратором город” восходят к Фаррару, который пишет, что “неразлучные с большим годовым праздником торжества и опасности вызвали Пилата из его обычной резиденции в Кесарии Филипповой в столицу ненавистного ему народа и в главный очаг презираемого им фанатизма”⁸². За что же Пилат так ненавидел евреев? Фаррар отмечает, что покровитель Пилата Сеян выказывал к еврейскому народу “крайнее отвращение”, и Пилат, возможно, вторил ему. Но были у Пилата и собственные основания ненавидеть евреев и присущий им фанатизм. Фаррар описывает три случая, повлиявшие на отношение Пилата к вверенному его попечениям народу. Воины только что утверждённого прокуратора Иудеи перенесли, с его дозволения, серебряных орлов и другие значки легионов из Кесарии Филипповой в Иерусалим. Евреи сочли это осквернением священного города и в течение недели осаждали резиденцию Пилата в Кесарии, требуя у прокуратора удалить языческие изображения из Иерусалима. Пилат принуждён был уступить. В другой раз прокуратор решил устроить в необеспеченном водой Иерусалиме водопровод, для чего взял деньги из церковной сокровищницы, называвшейся “карван”. Но едва только

иудеи прослышали, что “священные” деньги идут на гражданское дело, как снова принялись бунтовать и возмущаться. Наконец, третье столкновение Пилата с иудейским фанатизмом произошло, когда прокуратор вывесил в Иродовом дворце несколько позолоченных щитов, посвящённых императору Тиберию. Открытое возмущение народные вожди сопроводили ещё и жалобой на имя Тиберия, в результате чего Пилат получил выговор от императора¹³.

Что бы ни предпринимал Пилат в Иерусалиме, всюду наталкивался он на оскорблённые предрассудки и яростные бунты. Результатом этого стали ненависть и презрение прокуратора к подвластному народу, ненавидевшему и презиравшему всё чужое, видевшему кругом угрозу своему преданию.

В пьесе Чевкина имена и географические названия даны в еврейской транскрипции. Чевкин утверждал, что восстановил реальные имена. Именно поэтому Иисус в его пьесе сделался Иешуа, Никодим – Накдимомом, а Савл-Павел – Шаулем¹⁴. В романе “Мастер и Маргарита” оставленный Чевкиным без изменений “Иерусалим” стал “Ершалаимом”. Также и ряд латинских слов обрели своё первоначальное произношение, характерное для I в. н. э. Таковы, например, “кесарь” и “кентурион” вместо “цезарь” и “центурион”¹⁵. Некоторые из персонажей “ершалаимских глав” романа “Мастер и Маргарита”, например, начальник тайной стражи Афраний или кентурион Марк Крысобой отсылают читателя к пьесе Чевкина, герои которой – трибун Корнелий Сабин и сотник Петроний – отдельными своими чертами напоминают булгаковских персонажей¹⁶.

В то же время Булгаков словно полемизирует с Чевкиным относительно главного действующего лица – Иешуа Га-Ноцри, которого Чевкин попытался изобразить проходивцем и честолюбцем, борющимся с саддукеями за власть¹⁷. Иешуа Булгакова – это философ и мечтатель, призывающий к всеобщей любви и почитающий всех людей добрыми. “Добрый человек?” – спрашивает Пилат у арестованного Иешуа Га-Ноцри о предателе Иуде. “Очень добрый и любознательный человек”, – отвечает Иешуа.

В рукописях романа Иуда зовётся по-разному: “Иуда из Кариот” или “Искарриот” (1928–1929); “Иуда из Кериота” (1932–1940); “Иуда из Кериафа” (1937–1938). И наконец, в окончательном варианте Иуда назван Булгаковым “Иудой из Кириафа”¹⁸. Ф. В. Фаррар называет Апостола-предателя “Иудой Искариотом”¹⁹ или “Иудой из Кариота”²⁰. Ж. Э. Ренан называет Иуду “Иудой из Кериота”²¹. Город же Кириаф упоминается в книге Иисуса Навина: “Города же их были: Гаваон, Кефира, Беероф и Кириаф-Иарим) (9:17). Кроме того, в Библейской энциклопедии архимандрита Никифора сказано: “Кириаф – из южных городов колена Иудина к югу от Хеврона”²². Хотя самого Иуду архимандрит называет “Искарриотским” и добавляет, что он из города Кариот²³.

В романе “Мастер и Маргарита” Иуда появляется уже во второй главе романа (первой из ершалаимских глав), когда прокуратор Иудеи Понтий Пилат разбирает дело арестованного Иешуа Га-Ноцри. Сначала секретарь подаёт Пилату один свиток, а через некоторое время – другой. Из первого свитка, как это становится очевидным из дальнейшего текста, Пилат узнаёт, что арестованный явился в город через Сузские ворота верхом на осле, что чернь приветствовала его криками и что затем уже на городском базаре арестованный обращался к толпе с призывом разрушить ершалаимский храм. Рассмотрев дело, Пилат, расположившийся к Иешуа Га-Ноцри, намеревается освободить его из заключения. Но чтобы проповедь философа не послужила причиной волнений в городе, Пилат думает удалить Га-Ноцри из Ершалаима и подвергнуть заключению в Кесарии Стратоновой, то есть в собственной своей резиденции²⁴. В это самое время секретарь подаёт прокуратору второй свиток, и прокуратор изменяет свои намерения. Из этого второго свитка Пилат узнаёт нечто, что одновременно пугает и возмущает его.

Второй свиток открыл Пилату сложнейшую интригу, затеянную иудейскими первосвященниками. Узнав о проповеди бродячего философа Иешуа Га-Ноцри, развивавшего перед толпой идею о грядущем царстве истины, первосвященники начинают опасаться, как бы Пилат не использовал эту проповедь, чтобы погубить ненавидимый им иудейский народ. Ведь мысль о том, что “настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти”²⁵, можно при желании истолковать как призыв к свержению римской имперской власти. “Ты хотел его выпустить затем, чтобы он смутил народ, над верою надругался и подвёл народ под римские мечи!” – говорит Пилату первосвященник

Каиафа²⁶. Для того чтобы этого не произошло и чтобы Пилат не смог освободить Иешуа, первосвященники устраивают для Га-Ноцри подлую ловушку, в которую, сам того не ведая, попадает и прокуратор. Иешуа провоцируют на разговор о верховной власти. Разговор, в сущности, невинный, но его можно признать оскорбляющим императорское величество. И стоит только Пилату заикнуться о попрании первосвященниками закона, как тут же против него будет выдвинуто обвинение в *laesa majestas* – в оскорблении величества.

Из чего же всё это следует? И почему речь идёт о беззаконии первосвященников? Ознакомившись со вторым свитком, разгневанный Пилат спрашивает Иешуа: "... Отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кириафа, и что именно ты говорил ему, если говорил, о кесаре?"²⁷ И выслушав рассказ о том, как Иуда, с которым Иешуа познакомился позавчера вечером возле храма, пригласил его к себе домой, Пилат саркастически отзывается: "Светильники зажгёг..."²⁸. Этот комментарий Пилата проливает свет на многое. По еврейскому закону допускалось и даже предписывалось устраивать для преступников или подозреваемых в преступлении ловушки. Вот соответствующая статья: "Ни для кого из подлежащих смерти, по определению Торы, не устраивают засады, кроме совратителя. (Если тот хитёр и не может говорить при них, то ставят свидетелей в засаде позади стены.) ... А он сидит во внутреннем помещении; и зажигают для него светильник, дабы видели его и слышали его голос... Начинают разбор его дела и кончают даже ночью"²⁹. Существенным является то, что ловушки или засады разрешалось устраивать только для совратителей. Совратителями же закон называл тех, кто призывал к совершению языческих обрядов. Иными словами, совращал истинно верующих во тьму язычества. Никакое другое преступление не считалось у иудеев чрезвычайным и не требовало немедленной поимки преступника при помощи засады. Если подозрения в совращении подтверждались, преступника следовало подвергнуть аресту незамедлительно, даже если дело происходило ночью. Но в том случае, если подозреваемый оказывался невиновен или раскаивался в своих заблуждениях, об аресте не могло быть и речи. Более того, Иешуа говорит Пилату, что Иуда попросил его "высказать свой взгляд на государственную власть"³⁰. Но по закону Иуда не имел никакого права заводить подобные разговоры с Иешуа, устраивая ему ловушку. Если в доме Иуды была устроена засада, значит, Иешуа подозревали в совершении языческих жертвоприношений. И тогда Иуда мог добиваться от Иешуа признаний исключительно в совершении языческих жертвоприношений. Кроме того, если бы Иуда услышал от Иешуа такое признание, он был бы обязан приступить к нему с уговорами о раскаянии. И если бы уговоры возымели силу и преступник действительно раскаялся, его нельзя было бы арестовать. Таковы были предписания Торы, таков был иудейский закон, на страже которого и стояли первосвященники³¹. Однако здесь установления Торы были самым решительным образом попораны самими же первосвященниками. Конечно, самая неприглядная роль досталась Иуде, согласившемуся за деньги нарушить священный закон. Вот причина гнева прокуратора: те самые иудеи, что поднимали в Ершалаиме мятежи в защиту своего закона, когда Пилат, руководствуясь их же благом, пытался устранить неудобство недостаточного водоснабжения в городе или украшал стены своей резиденции цитами с вензелями императора, с непревзойдённым цинизмом и лицемерием сами попирают свой закон.

Любопытно, что суд, произведённый первосвященниками над Христом, тоже изобилует нарушениями. Закон в ходе судебного разбирательства попирался неоднократно. "Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб" (Ин. 11:50), – сказано в Евангелии. Решение осудить на смерть опасного Галилеянина первосвященник Каиафа озвучил в тот день, когда Иисус воскресил Лазаря, то есть за неделю до утверждения Пилатом смертного приговора. Вынести еврею смертный приговор могла только высшая судебная инстанция – великий синедрион. Но его непосредственному суду подвергались лишь его члены. Все остальные дела выносились на суд местного синедриона. Местный синедрион производил допрос виновного, и только потом решал, отправлять или нет дело в высшую судебную инстанцию.

Существует предположение, что тесть первосвященника Каиафы Анна возглавлял местный синедрион. Вот почему арестованного Христа сразу привели в его дом. Иосиф Флавий отмечает, что Анна, бывший первосвященником при прокураторе Квиринии, имел пятерых сыновей, каждый из которых

в своё время также становился первосвященником³². Кроме того, как известно из Евангелия, муж дочери Анны — Иосиф, прозванный Каиафой, — был первосвященником, осудившим на смерть Иисуса Христа.

Судебный процесс у евреев начинался с жалобы свидетелей. Свидетели выступали и в качестве обвинителей, и в качестве полиции, доставлявшей виновного в суд. Не основываясь ни на чьей жалобе, синедрион не мог совершить суд над кем бы то ни было. Неспроста Христос на вопрос Анны “об учениках и учении Его” (Ин. 18:19) отвечал: “Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, что Я говорил им; вот они знают, что Я говорил” (Ин. 18:21), — указывая на незаконность допроса, поскольку никто из свидетелей не выступил с обвинением. Вслед за тем один из слуг Анны, желая, очевидно, угодить своему господину, бьёт Христа по щеке, в то время как из Деяний Св. Апостолов (Деян. 23:3) мы знаем, что закон запрещал бить подсудимого. И Христос вновь указывает на незаконность действий, совершаемых над Ним: “Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьёшь Меня?” (Ин. 18:23)³³

Анна, понимая всю незаконность ареста и допроса, отправляет Узника к Каиафе, перекладывая на зятя всю ответственность за совершаемое беззаконие.

Между тем, в доме у Каиафы успел собраться весь синедрион. Время заседаний малого или местного синедриона ограничивалось рассветом и третьим часом пополудни. Великий синедрион мог собираться во все дни, кроме суббот и праздников, в часы между утренним и вечерним жертвоприношением. Утренняя жертва совершалась с появлением зари, а спустя час сжигалась; вечерняя жертва приносилась с наступлением сумерек. Другими словами, великий синедрион мог собираться в светлое время суток. Кроме того, рассмотрение сложных дел, могущих повлечь за собой вынесение смертного приговора преступнику, не назначалось на пятницу или накануне праздника, поскольку оглашение судебного решения в таких случаях производилось на следующий день после вынесения приговора. Но ни в субботу, ни в праздничный день делать этого было нельзя, поэтому сложные дела не рассматривались по пятницам и предпраздничным дням³⁴.

Талмуд полон сокрушений о смертных приговорах и поспешных судебных решениях. Древнееврейский суд чётко придерживался принципа презумпции невиновности, рассматривая сначала обстоятельства, которые могли оправдать подсудимого, и лишь потом приступая к разбору обвинений. Свидетельствовать в суде могли только лица, бывшие в обществе на хорошем счету. Ни ростовщики, ни любители азартных игр, ни торговцы, о которых было известно, что они обвешивают покупателей, ни, равно, родственники судей и обвиняемого не могли выступать в суде свидетелями. Показания свидетелей должны были отличаться точностью и совпадать в деталях. В неканонической тринадцатой главе книги пророка Даниила описывается, как обличены были два старца, ложно свидетельствовавших против Сусанны (Дан. 13:51-62): допросив их по одному, суд поймал их на разногласиях³⁵.

Оправдательный приговор мог быть вынесен в самый последний момент, для чего один из судей оставался с белым платком в руках на пороге судилища, другой верхом сопровождал осуждённого к месту казни. И если до того, как совершилась казнь, кто-нибудь являлся в суд с доказательствами невиновности осуждённого, с порога судилища подавался знак белым платком, и казнь отменялась, дело отправлялось на пересмотр³⁶.

Итак, Христос был схвачен не обвинителями и не свидетелями преступления, никаких жалоб на Него не поступало, в связи с чем Он не мог быть арестован и уж тем более бит. Но кроме того, в Евангелии читаем: “Пётр опять отрёкся; и тотчас запел петух” (Ин. 18:27). В то самое время, когда Апостол, уверявший Учителя, что “с Тобою я готов и в темницу, и на смерть идти” (Лк. 22:33), в третий раз от Него отрёкся, суд был в самом разгаре. Ночь у римлян и евреев делилась на временные отрезки — стражи. Та стража, когда начинали петь петухи, обозначалась термином *gallicinium*, и наступала она в четвёртом часу утра, то есть явно до восхода солнца. Но заседание верховного синедриона по еврейскому закону не могло совершаться в тёмное время суток. Значит, и сборище, и вынесенный им приговор были незаконны³⁷.

Евангелист говорит: “. . . Многие лжесвидетельствовали на Него, но свидетельства сии не были достаточны” (Мк. 14:56). Недостаточными свидетельст-

ва оказывались потому, что по закону для подтверждения вины необходимо было двое или трое свидетелей (Числ. 35:30; Втор. 19:15). При этом их свидетельства должны были быть полностью идентичными, не расходящимися в деталях. Но не нашлось и двух свидетелей, по обвинению которых Подсудимому мог бы быть вынесен смертный приговор. И тогда первосвященник прибегает к заклятью, то есть под угрозой проклятья требует Подсудимого ответить на вопрос: "... Ты ли Христос, Сын Божий?" Подобную меру могли применить в древнееврейском судопроизводстве исключительно по отношению к заправившимся свидетелям (Лев. 5:1). "Ты сказал..." — отвечает Христос. Это и нужно было услышать первосвященнику. Ответ немедленно расценивается как богохульство. А хула, или оскорбление Божественного величия, считалась у древних евреев одним из серьёзнейших преступлений, за совершение которого наказывали смертью³⁸.

Но свидетельства обвиняемого против самого себя не могли быть основанием для вынесения ему приговора. Преступление могло быть доказано только при наличии двух или трёх свидетелей. И снова первосвященники нарушили закон, вынудив Обвиняемого свидетельствовать против Себя и приняв Его свидетельство за основание для вынесения приговора.

Итак, собравшись ночью, накануне субботы, совершив арест без жалобы, а суд — без свидетелей, синедрион вынес смертный приговор, для утверждения которого собрался вновь не через сутки, а всего лишь через несколько часов. Тогда же был вынесен и окончательный приговор, утверждённый Пилатом, тогда же совершилась и казнь. Всё было сделано накануне субботы, в спешке, с вопиющими нарушениями. Свершился не суд — свершилось беззаконие.

Но если евангельский Иуда-предатель не причастен к нарушению предписаний закона, то Иуда из Кириафа в романе Булгакова — не столько предатель, сколько активный участник беззакония.

Чевкин, анализируя предательство евангельского Иуды, представил целый перечень причин, побуждающих человека к предательству: "История учит, что если из какой-либо заговорщицкой организации один из членов её уходит на сторону врагов или просто покидает организацию, то здесь всегда или уязвлённое самолюбие, или разочарование в идеях, целях организации или личности вожака, или древняя борьба за самку, или всё это вместе в различных комбинациях. Иногда, правда, примешивается корыстолюбие, но не как причина, а как следствие"³⁹. Современный булгаковед Б. В. Соколов вслед за Чевкиным полагает, что корыстолюбие не является причиной предательства булгаковского Иуды. По мнению Соколова, Иуда любит Низу и стремится разбогатеть, чтобы увести её от мужа⁴⁰. Но сложно найти подтверждение этой версии в романе. Иуда нигде не проговаривается и ничем другим не выдаёт, что хочет увести Низу. Кроме того, Иуда не мог быть разочарован ни в идеях Иешуа Га-Ноцири, ни в его личности, поскольку он не был учеником Иешуа, а познакомился с ним лишь накануне предательства. Даже предательством нельзя назвать поступок Иуды — скорее, это провокация. "У него есть только одна страсть... — страсть к деньгам"⁴¹, — говорит об Иуде начальник тайной стражи Афраний. Об Иуде также известно, что он молод, красив и любит свою внешность, которую холит. Иуда работает в меняльной лавке, то есть имеет дело с валютой, что, кстати, перекликается с московскими главами романа, где целый ряд персонажей в результате дьявольских козней становятся гонимыми государством валютчиками. Афраний говорит об Иуде, что он не фанатик, как большинство иудеев⁴². Речь, конечно, идёт о религиозном фанатизме, что в данном случае может означать следующее: Иуда не из тех, кого оскорбляют языческие символы в священном городе и кто ради чистоты веры готов броситься на римские мечи, он не станет жертвовать собой ради идеи, у него не так уж много почтения к святыням: даже в Пасху, вместо того чтобы праздновать, по традиции, с родными, он с лёгкостью отправляется на свидание к Низе. Скорее всего, булгаковский Иуда принадлежит к тому типу людей, у которых принцип "курочка по зёрнышку клюёт" не вызывает улыбки, а является прямым побуждением к действию. Состояния сколачиваются из грошей теми, кто ничем не брезгует и ни о чём не жалеет.

Булгаковский Иуда не может быть назван предателем — он провокатор. За деньги он соглашается нарушить предписание Торы. Он специально знакомится с Иешуа, чтобы пригласить Его к себе домой, где устроена засада. Уже дома он провоцирует Иешуа на разговор, за который доверчивый фило-

соф платит жизнью. Тем не менее, с точки зрения аксиологии, булгаковская трактовка образа Иуды вполне традиционна. Но нельзя утверждать, что Булгаков просто на свой лад пересказывает Евангелие. Ершалаимские главы – это система образов. Это философия евангельских событий: Булгаков обращается к хорошо всем знакомым персонажам, которые не являются в романе самими собой, и Булгаков подчёркивает это изменёнными, иначе транскрибируемыми именами. В каждого героя Булгаков заключает часть своего видения евангельских событий.

Трактовка писателем образа Иуды Искарота представляет одну из наиболее художественно проработанных и философски осмысленных трактовок этого образа в литературе XX века. Булгаков не предпринимает попыток огульного обеления Апостола-предателя, он создаёт многослойное, полифоничное повествование, главным образом, намёками. В результате, булгаковский Иуда не просто не повторяет Иуду из Евангелий, но и выходит за пределы этого образа, олицетворяя “колено Иудино”, возвращая читателя к незаконному суду иудейских первосвященников над Христом.

Понятый таким образом Иуда из Кириафа претендует на более пристальное внимание и более серьёзное отношение со стороны читателей и исследователей творчества М. А. Булгакова.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Седален утрени Святой и Великой Среды.

² Повечерие Великого Четвертка.

³ Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. – Киев, 2005. С. 237.

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Там же. С. 237.

⁶ Там же. С. 237.

⁷ Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. Опыт исследования ершалаимских глав романа “Мастер и Маргарита”. – М., 2006. С. 187.

⁸ Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. – М., 1991. С. 521.

⁹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – Ижевск, 1987. С. 34–37, 429.

¹⁰ Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа... С. 536.

¹¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита... С. 48.

¹² Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа... С. 520.

¹³ Там же. С. 518–520.

¹⁴ Иуда из Кириафа // Соколов Б. В. Энциклопедия Булгаковская. – М., 1998. С. 226.

¹⁵ Христианство // Соколов Б. В. Энциклопедия Булгаковская. – М., 1998. С. 494.

¹⁶ Там же. С. 495.

¹⁷ Там же. С. 495.

¹⁸ Литературные источники черновых вариантов “древних” глав “Мастера и Маргариты” // Галинская И. Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. Сборник научных трудов. URL: www.ahmerov.com/book_519_character_10_LEGISLATIVE_PROVISION_OF_DONORSHIP_IN_UKRAINE.html (18.12.11.)

¹⁹ Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа... С. 142, 404, 457, 546.

²⁰ Там же. С. 142–143.

²¹ Ренан Э. Жизнь Иисуса, – М., 1990. С. 251.

²² Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия архимандрита Никифора. – М., 1990. С. 394.

²³ Там же. С. 370.

²⁴ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. С. 47.

²⁵ Там же. С. 51.

²⁶ Там же. С. 60.

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Там же. С. 49.

²⁹ Цит. по: Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова... С. 88.

³⁰ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита... С. 50.

³¹ Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова... С. 88–89.

³² Маккавейский Н. К. Археология истории страданий Господа Иисуса Христа. – Киев, 2006. С. 59.

³³ Там же. С. 38–56.

³⁴ Там же. С. 76–79.

³⁵ Там же. С. 79–93.

³⁶ Там же. С. 73.

³⁷ Там же. С. 78.

³⁸ Там же. С. 85.

³⁹ Иуда из Кириафа // Соколов Б. В. Энциклопедия Булгаковская. – М., 1998. С. 226.

⁴⁰ Там же. С. 226.

⁴¹ Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. С. 436.

⁴² Там же.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Библия.
2. Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. – Киев, 2005.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. – Ижевск, 1987.
4. Галинская И. Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях. Сборник научных трудов. http://www.ahmerov.com/book_519_chapter_10_LEGISLATIVE_PROVISION_OF_DONORSHIP_IN_UKRAINE.html (18.12.11.)
5. Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова. Опыт исследования ершалаимских глав романа “Мастер и Маргарита”. – М., 2006.
6. Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия архимандрита Никифора. – М., 1990.
7. Маккавейский Н. К. Археология истории страданий Господа Иисуса Христа. – Киев, 2006.
8. Ренан Э. Жизнь Иисуса. – М., 1990.
9. Соколов Б. В. Энциклопедия Булгаковская. М., 1998.
10. Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. М., 1991.